

Роль эмоций и сознания в общественной динамике и поляризации отношений между востоком и западом

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 355
Сентябрь 2014

Гульназ Шарафутдинова
Кингс-колледж (Лондон)

Исторические эпохи — это вулканы. Все то прошлое, годами копившееся под тонким слоем ежедневных событий, вдруг, подобно лаве, прорывается на поверхность. И противоречия, спящие веками, просыпаются вновь.

Владимир Ермоленко¹

Драматические события связанные с российской аннексией Крыма, продолжающейся войной на востоке Украине, сбитым малазийским самолетом и войной санкций между Россией и западом сопровождалась не только усугублением глобальной политической обстановки, но и всплеском эмоций и массовой истерией в медийном пространстве со всех сторон участников конфликта. Усиливающаяся конфронтация между США и Евросоюзом с одной стороны и Россией с другой, привели к эскалации антиамериканских и антизападных настроений в российском обществе и антироссийских настроений на западе, подогретых медийными сюжетами, а иногда и неприкрытой пропагандой, особенно отчетливо просматриваемой на российских телевизионных каналах.

В данном контексте, эмоциональное состояние российского общества и его внутренние противоречия заслуживают особого внимания. С одной стороны, число россиян живущих в постоянном страхе третьей мировой войны недавно достигло 27%, в то время как 52% выразили общую озабоченность этим вопросом. Эти цифры несомненно указывают на растущее беспокойство общества в связи с конфликтом между Россией и западом. В то же время, общественные опросы проведенные ВЦИОМ в августе 2014 года и подтвержденные центром Левады указывают на то, что россияне довольны своей жизнью как никогда ранее. Индексы удовлетворения жизнью, материального благосостояния и социального оптимизма достигли 25 летнего максимума, соответственно на уровне 79, 76 и 77

¹ Владимир Ермоленко. «Письмо к другу из России», <http://gefeter.ru/archive/12118>

процентов от количества опрошенных.² Рейтинги поддержки населением президента Путина в последние месяцы тоже оставались на беспрецедентно высоком уровне между 82 и 86 процентами. Парадоксальным образом, события которые всколыхнули запад, воскресив всевозможные страхи связанные с исторической ролью России в Восточной Европе, одновременно придали россиянам ощущение растущего благополучия, уверенности в себе, патриотизма и веры в своего президента.

Политологи обычно не анализируют фактор эмоций в политическом процессе. Это чаще обсуждается журналистами, что прослеживается и в комментариях по поводу конфликта между Россией и Украиной.³ Причины такой сдержанности более менее понятны, хотя изучение эмоциональной подоплеку конфликтов важно и по научным и по политическим соображениям. С научной точки зрения фактор эмоций может помочь в понимании причинно-следственных связей, лежащих в основе тех или иных событий, которые на первый взгляд могли бы показаться нерациональными или труднопонимаемыми. Так, действия Кремля в отношении Крыма нередко интерпретируются как недальновидные и не имеющие отношения к долгосрочным интересам России. Действительно, если рассматривать только экономическую или внешнеполитическую цену, которую приходится платить России за интеграцию Крыма, то нерациональность этой политики вполне очевидна. Но эти соображения целесообразны только в том случае, если интересы России рассматриваются в отрыве от истории и национального самосознания. Если рассматривать национальное самосознание как один из основополагающих факторов определяющих интересы России, то действия Кремля сразу приобретают другую окраску, привлекая внимание к неразрешенным конфликтам связанным с несформированной национальной идентичностью, пост-имперским синдромом и эмоциональной травмой, которую испытало российское общество после развала Советского Союза. В таком контексте Крым можно рассматривать как вновь найденный символ возрождения былой славы и престижа Советского Союза.

Большинство западных комментаторов обращают внимание на роль пропаганды в формировании общественного мнения в России, указывая на влияние Кремля в усилении антиамериканских и антизападных настроений. Политический кризис в Украине действительно сопровождался серьезным психологическим давлением на российское общество со стороны телевизионных каналов, возродивших ненавистные фигуры неонацистов и бандеровцев, якобы работающих совместно с Соединенными Штатами. Даже после президентских выборов в мае этого года, которые продемонстрировали, что радикальные национальные кандидаты получили менее 1 процента голосов, истерия по поводу фашистской хунты в Киеве продолжилась.

² Эксперты Левада центра также подтверждают эти тенденции. См.: <http://www.levada.ru/19-08-2014/ekspertiza-rossiyane-na-podeme>

³ Sean Guillory. "Is Russia Suffering From Post-Traumatic Stress Disorder?" *New Republic*, April 23, 2014, <http://www.newrepublic.com/article/117493/russia-suffering-post-traumatic-stress-disorder>; Леонид Бершидский. 2014. "Во что мы превратились", <http://www.snob.ru/selected/entry/75421>; Борис Грозовский. 2014. "Ральф Фукс: Мы недооцениваем постимперскую травму", <http://www.colta.ru/articles/society/3939>

Достаточно нескольких минут просмотра главных российских каналов чтобы убедиться в массивном и оркестрованном сверху искажении информации, преподносимой по телевидению с целью эмоциональной мобилизации общества.⁴ Социологи и психологи правда утверждают, что пропаганде подвержены не все.⁵ Люди обычно не верят в то, во что они не хотят верить, и человеческий мозг воспринимает информацию очень селективно, отсеивая все то, что не вписывается в заложенную систему ценностей и уже сформированных социально-политических ориентаций. Даже в тех случаях, когда люди сталкиваются с информацией, указывающей на их заблуждения, установки меняются только в ситуации нарастающей угрозы и кризиса.⁶ С учетом этого, вопрос о том, почему российское общество оказалось в плену у пропаганды, является на сегодня очень актуальным.⁷ Что же говорит по этому поводу литература по когнитивной психологии?

Пропаганда, эмоции и сознание

Для начала разберемся как же все таки работает пропаганда. В когнитивных науках большое внимание уделяется тому, как эмоции взаимодействуют с сознанием человека.⁸ Результаты исследований в этой области действительно могут быть очень полезны для политологов. Например, исследователи доказали что состояние тревоги влияет на интерпретацию: более тревожные люди имеют предрасположенность к восприятию неоднозначной информации в соответствии со своими страхами и предполагаемыми угрозами. Более широкий спектр эмоций, включающий злость, грусть, тревогу и более позитивные эмоции, также серьезно влияют на оценку событий; от настроения оказывается зависит даже то, как мы оцениваем степень вероятности определенных событий. Главный же вывод этих исследований может быть сформулирован как то, что эмоции неразрывно взаимосвязаны с сознанием и разумом. Они являются важным элементом в конструировании общественного сознания и понимания социальных и политических проблем. Общественное мнение, таким образом, неразрывно связано с эмоциональным состоянием общества.

Очевидно, что пропаганда транслируемая по российским телевизионным каналам была нацелена на эскалацию эмоционального состояния общества и роста общественной тревоги и беспокойства, а также на возрождение исторически обусловленных и широко распространенных эмоций страха и ненависти. Неслучайно, что угроза фашизма, связанная с воспоминаниями о Великой Отечественной войне, стала одной из центральных направлений пропаганды. Пропагандистские методы так же манипулировали

⁴ Психолог Людмила Петрановская например пишет о психологическом «насилии», см.: Людмила Петрановская. 2014. “Это уже не новости, а психологическое насилие.”

http://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2014/08/a_6170429.shtml

⁵ Лев Гудков. 2014. “Когда россиянам нечем гордиться, они создают себе врага”

<http://www.snob.ru/profile/10069/blog/79594>

⁶ Maria Konnikova. 2014. “I don’t want to be right,” *New Yorker* May 16, 2014.

<http://www.newyorker.com/science/maria-konnikova/i-dont-want-to-be-right>

⁷ Грозовский. 2014.

⁸ Isabelle Blanchette, Anne Richards. 2010. “The Influence of Affect of Higher Level Cognition: A Review of research on interpretation, judgment, decision-making and reasoning,” *Cognition and Emotion* 24 (4), 561-595.

национальной травмой, связанной с потерей Россией статуса супердержавы и утратой былого престижа Советского Союза. Присоединение Крыма поэтому было представлено обществу как морально обоснованный и ответственный шаг со стороны России. Неудивительно, что неожиданные шаги, предпринятые Кремлем для изменения границ между Россией и Украиной, были восприняты обществом как символ возрождения силы и былого величия страны. В этом контексте, указанные выше противоречия в общественном мнении неудивительны. Распространенность страхов и тревог, одновременно с растущими ощущениями благополучия и уверенности в себе, отражают эффективность пропаганды, нацеленной на наиболее уязвимые места в российском общественном сознании.

Эти уязвимые места можно разглядеть через общественные опросы или культурные исследования, которые, в дополнение к опросам, позволяют увидеть и элементы подсознательного уровня.

Взгляды, мнения и эмоциональный резонанс

Опросы обычно более эффективны в выявлении общественных мнений, а не эмоций. По своей конструкции, в основе которой лежит вербальная коммуникация, социальные опросы не могут выявить более глубинное эмоциональное состояние общества. Тем не менее, опросы достаточно точно отображают общественное сознание, а также динамику общественных настроений в течение последних нескольких месяцев. Например, показательны своей последовательностью результаты опроса о месте и роли России в мировом сообществе. 66% опрошенных россиян в 2000 году и 65% в 2010 считали что Россия заслуживает более достойного положения в мире.⁹ Соответственно возросла доля тех, кто считал что главная задача президента - «обеспечить для России статус великой державы».¹⁰ 57% россиян считали это приоритетным направлением, уступая только 77% тех, кто считал что вопросы социальной справедливости должны быть приоритетными, и опережая 51.5% тех, кто отдавал приоритет проблемам закона и порядка. Присоединение Крыма было воспринято многими как большой шаг вперед к возврату былого величия. Число тех, кто отметил растущее уважение к России, возросло, соответственно, с 25% в 2012 году до 44% в 2014 году.¹¹

Интересно также что большинство россиян думали про внешнюю угрозу и врагов России. В 2010 году 51% опрошенных считали, что внешняя угроза существует.¹² В 2014 году эта цифра достигла 61%. При этом, 32% считали, что главная угроза России исходит с запада, в то время как 29% связывали угрозу с исламским миром. Вполне очевидно то, что угроза со стороны запада в основном ассоциируется с Соединенными Штатами Америки.¹³

⁹ <http://www.levada.ru/archive/strana-i-mir/kak-vy-schitaete-rossiya-zanimaet-seichas-v-mire-polozhenie-kotorogo-zasluzhiva>

¹⁰ <http://www.levada.ru/15-02-2012/ezhik-v-tumane>

¹¹ http://www.ng.ru/politics/2014-08-08/3_opros.html

¹² <http://www.levada.ru/archive/strana-i-mir/kak-vy-schitaete-sushchestvuet-li-v-nastoyashchee-vremya-kakaya-libo-vneshnyaya>

¹³ <http://www.levada.ru/archive/strana-i-mir/ot-kogo-na-vash-vzglyad-prezhde-vsego-iskhodit-vneshnyaya-ugrozav-ot-davshikh-p>

Последовательно в 2003, 2007 и 2010 году между 73 и 76 % россиян относились к Америке как к «агрессору, который стремится взять под контроль все страны мира».¹⁴

Общественные оценки окончания холодной войны также поражают своими противоречиями. Даже в 2007 году, почти два десятилетия после падения берлинской стены, 36% опрошенных не могли однозначно оценить, проиграла Россия или выиграла в результате изменения внешнеполитического курса страны в конце 80-х гг. В то время как 31% населения считали, что Россия проиграла в противостоянии с Западом, 33% считали, что от окончания противостояния Россия выиграла не меньше других.¹⁵ 36% опрошенных затруднились ответить на этот вопрос. Несмотря на эти противоречивые оценки, 78% россиян считали в 2010 году, что России «следует развивать взаимовыгодные связи с Западом», и только 11% хотели дистанцироваться от Запада.¹⁶ Эти данные отражают сложности связанные с применением общественных опросов для понимания эмоционального состояния общества. Так как опросы обычно рассматривают широкий спектр вопросов, они не в состоянии определить интенсивность реакций на более деликатные вопросы, затрагивающие чувства и эмоции опрашиваемых. Без более детальных исследований они также не дают возможности для дифференциации между более или менее эмоционально интенсивными проблемами. Взрывной характер эмоций связанных с российско-украинским кризисом указывает на то, что эти эмоции накапливались в течение некоторого времени и только сейчас нашли соответствующий момент для открытого выражения. Культурологические исследования в этом смысле обладают большей способностью проникать в более глубокие, эмоциональные сферы подспудно влияющие на характер общественного сознания.

Какие же есть методы для изучения того, что лежит в глубине общественного сознания? Культурологи, например, прибегают к изучению произведений искусства и литературы. «Искусство это разрез в реальность, который позволяет чему то неожиданному извергнуться наружу, давая возможность взглянуть или хотя бы предположить о том, что лежит за поверхностью вещей».¹⁷ Произведения искусства и литературы не говорят полностью сами за себя; они зависят от того, как их интерпретирует аудитория. Сильный общественный резонанс, связанный с определенным произведением изобразительного искусства, кинофильмом или произведением литературы, указывает на важные проблемы, которые могут лежать в общественном подсознании. Подобным образом, через анализ предметов творчества, которые вызывают сильную эмоциональную реакцию общества, культурологи достигают понимания общественных травм, страхов и надежд, обычно скрытых в недрах коллективного подсознания.

Показателен в этом отношении фильм Алексея Балабанова *Брат 2* (2000) - продолжение фильма *Брат* (1997), в котором главный персонаж Данила, сыгранный Сергеем Бодровым-

¹⁴ <http://www.levada.ru/archive/strana-i-mir/dlya-vas-ssha-seichas-eto>

¹⁵ <http://www.levada.ru/archive/strana-i-mir/v-rezultate-izmeneniya-vneshnepoliticheskogo-kursa-strany-v-kontse-80-kh-godov->

¹⁶ <http://www.levada.ru/archive/strana-i-mir/kak-vy-schitaete-rossii-seichas-sleduet>

¹⁷ Couze Venn. 2009. "Identity, diasporas and subjective change: The role of affect, the relation to the other, and the aesthetic," *Subjectivity* 26(1), 3-28.

младшим, по возвращении из армии сталкивается с лихими 90-ми в Петербурге. В *Брате 2*, Данила направляется в Чикаго, чтобы отомстить за друга и восстановить справедливость. *Брат 2* стал культовым фильмом в России, который поднял на пьедестал не только образ киллера Данилы, но и ксенофобию, антизападничество и сексизм, характеризующие этот фильм. Яна Хашамова, культуролог из университета штата Огайо, исследовала российское коллективное бессознательное, в особенности отношение российского общества к западу, через художественные фильмы, уделяя особое внимание и фильмам Балабанова. Она пишет о том, что в процессе нелегкой адаптации национального самосознания к новому международному контексту, российская публика прошла через несколько достаточно противоречивых стадий.¹⁸ Ранние фантазии о западе оказались иллюзорными и сменились агрессивным анти-западным настроем, антиамериканизмом, и верой в моральное превосходство России, что четко отражается в фильме *Брат 2*. Всеобщая популярность этого фильма и создание культа вокруг его главного персонажа показывает, что проблемы, затронутые в фильме, близки российскому обществу и, в особенности, российской молодежи. Можно даже предположить, что в коллективном восприятии действия Кремля и политика Путина в отношении Украины и запада сопоставимы с проблематикой этого фильма, выставляя Путина в глазах населения в роли Данилы, любимого миллионами. Рейтинги Путина являются главным показателем того, что конкретные фантазии общества вылились, через эту политику, из сферы подсознательного и желаемого в сферу реальности. Именно осознание этих фантазий и помогает понять почему кремлевская пропаганда оказалась настолько эффективной. Конечно, пробуждение от этих фантазий будет очень болезненным и травматичным для общества. Можно только предположить, что Кремль будет продолжать конфронтацию с западом именно для того, чтобы отложить это пробуждение.

¹⁸ Yana Khashamova. *Pride and Panic: Russian Imagination of the West in Post-Soviet Film* (Chicago, 2007).